

*За двумя зайцами: на Zakon.ru обсудили обязательства по возврату вещи банкротом**

Участники портала *Zakon.ru* обсуждают дело № А41-19202/2014, в котором продавец недвижимости — Комитет по управлению муниципальным имуществом (КУМИ) — неудачно пытался защитить свои права перед просрочившим покупателем (ООО «Сапфир»).

КУМИ продал недвижимое имущество ООО «Сапфир» с одновременным возникновением залога в пользу муниципального образования, при этом недвижимость так и не была оплачена.

По истечении некоторого времени в связи с неисполнением обязательств по оплате этого имущества КУМИ в судебном порядке истребовал невыплаченную сумму, а впоследствии и расторг договор (постановление суда об удовлетворении иска о расторжении договора принято 11.11.2013 и вступило в силу 25.03.2014).

23.11.2013 ООО «Сапфир» признано банкротом, в отношении должника введено наблюдение.

КУМИ поначалу заявил денежные требования по договору купли-продажи недвижимости в рамках банкротных процедур, однако после вступления в силу судебного постановления о расторжении договора отозвал свои требования и заявил иск о возврате недвижимости вне рамок банкротного дела.

Суды всех трех инстанций в иске отказали, однако основания отказа отметили различные.

Суды первой и апелляционной инстанций в числе прочего посчитали, что истец уже реализовал свое право на защиту путем предъявления к ООО «Сапфир» иска об оплате переданной недвижимости, а потому иск об истребовании имущества удовлетворению не подлежит.

Арбитражный суд Московского округа, в свою очередь, счел, что заявление КУМИ требований о возврате недвижимости после признания должника банкротом является злоупотреблением правом и направлено на удовлетворение требований кредитора в обход установленной процедуры банкротства.

Какая правовая логика выглядит более убедительной?

* См.: http://zakon.ru/Discussions/obyazatelstvo_o_vozvrate_veshi_bankrotom_ili_eshhe_ras_o_posledstviyax_rastorzeniya_dogovora/16848.

Роман Тараданов,
ведущий юрисконсульт
ООО «КомплексКонсалтинг»

<http://murzik.zakon.ru>

В моем понимании суть проблемы лежит в определении понятий «мораторий» и «денежное обязательство» по законодательству о банкротстве.

Дело в том, что исходя из буквального толкования определения моратория, изложенного в ст. 2 Закона о банкротстве, он распространяется только на денежные обязательства. А «денежное обязательство», согласно той же статье, — это обязанность должника уплатить кредитору определенную денежную сумму по гражданско-правовой сделке или иному законному основанию.

И вот тут мы сталкиваемся с неполнотой легального определения: имеются ли в виду только те денежные обязательства, которые являются таковыми безусловно, или же речь идет и о тех, которые являются «оборотнями», способными превращаться в неденежные?

На мой взгляд, верным является второй подход, как наиболее соответствующий замыслу законодателя. А соответствующим он мне представляется потому, что иное фактически означало бы возможность неограниченной «ретрономации» денежных обязательств в неденежные и последующего преимущественного удовлетворения требований одних кредиторов перед другими.

Поэтому мне не кажутся абсолютно верными позиции ни одной из инстанций, хотя точка зрения кассации все же ближе к сути вопроса.

И будь я судьей по этому делу, я бы обосновывал отказ позитивным толкованием именно через распространение моратория в том числе и на такие обязательства, которые превратились в неденежные из денежных, а не негативным толкованием через «уже реализованное право» или «обход закона», как это сделали суды.

Петр Кочергин,
научный сотрудник НИИ актуальных проблем современного права,
кандидат юридических наук

<http://petrkochergin.zakon.ru>

При поиске ответа на вопрос о наличии злоупотребления правом, в том числе путем обхода закона, многое зависит от фактических обстоятельств.

Обращает на себя внимание определенная непоследовательность КУМИ.

Так, при рассмотрении вопроса о расторжении договора КУМИ не потребовал обязать вернуть вещь в качестве последствия такого расторжения, а ведь мог бы получить (а может, даже и исполнить) решение о возврате вещи задолго до открытия конкурсного производства. Некоторые кассационные суды удовлетворяют такие требования, в том числе и на этапе конкурсного производства¹.

¹ См., напр.: постановление ФАС Волго-Вятского округа от 30.01.2013 по делу № А82-2989/2012.

Также совсем непоследовательно то, что КУМИ сначала обращается с заявлением о включении в реестр требований кредиторов, потом отказывается от своих требований.

Что должен означать заявленный и принятый судом отказ? Может, КУМИ отказался от требования о передаче вещи в порядке п. 2 ст. 405 ГК РФ, трансформировал свое требование в денежное? Или отказался от притязания целиком? Тогда выводы суда имеют право на существование.

В рассматриваемом случае альтернативное обязательство покупателя (возвратить вещь либо уплатить покупную цену) существует с момента, когда была допущена просрочка. После того как кредитором (продавцом) осуществлен выбор, альтернативное обязательство отпало.

Соответственно представляется, что в идеальной ситуации не мог быть удовлетворен иск о расторжении договора по мотиву неплатежа, поскольку право получить покупную цену уже защищено иным вступившим в законную силу решением, которым взыскана задолженность по договору купли-продажи, которое обладает всеми присущими ему свойствами: обязательность, исполнимость и т.п.

В противном случае продавец вместо одного из двух (либо об оплате вещи, либо о возврате вещи) получил бы возможность вынесения двух судебных решений одновременно как о взыскании покупной цены, так и о возврате вещи, которые формально подлежат принудительному исполнению.

К сожалению, в нашем конкретном случае требование о расторжении договора удовлетворено; как следствие, у стороны расторгнутого договора возникло обязательство вернуть полученную по расторгнутому договору вещь. Именно решение о расторжении договора купли-продажи и породило эффект возврата к альтернативному обязательству — от оплаты вещи к обязательству по передаче самой вещи.

Арбитражный суд Московского округа, фактически отказав в применении последствий, пресек трансформацию обязательства покупателя в неденежное.

Кроме того, в данном кейсе есть и специфические, банкротные нюансы.

Согласно абз. 2 п. 34 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 в ходе конкурсного производства подлежат предъявлению только в деле о банкротстве возникшие до его возбуждения требования кредиторов по неденежным обязательствам имущественного характера (о передаче имущества в собственность, выполнении работ и оказании услуг), которые рассматриваются по правилам ст. 100 Закона о банкротстве. При этом для целей определения количества голосов на собрании кредиторов и размера удовлетворения такого требования оно подлежит при его рассмотрении денежной оценке, сумма которой указывается в реестре.

Согласно п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 № 35 «О последствиях расторжения договора» судам надлежит иметь в виду, что сторона расторгнутого договора, которой было возвращено переданное ею в собственность другой стороне имущество, приобретает право собственности на это имущество производным способом (абз. 1 п. 2 ст. 218 ГК РФ) от другой стороны расторгнутого договора.

КУМИ же это имущество еще не возвращено, следовательно, Комитет не приобрел и право собственности на это имущество. Остается лишь право залога.

Если же собственником является несостоятельный должник, то имущество подлежит включению в конкурсную массу.

На примере с вещами, определяемыми родовыми признаками, расторжение того же кредитного договора не позволяет банку исключать из конкурсной массы соответствующую сумму денежных средств.

Таким образом, даже если бы предположить удовлетворение требования о возврате вещи на этапе конкурсного производства, то фактически получить вещь в натуре от несостоятельного должника иначе как по виндикационному иску невозможно.

Следовательно, в любом случае заявленный иск о возврате вещи от покупателя не достигает своей цели.

Сергей Будылин,
старший юрист *Roche & Duffay*

<http://budylin.zakon.ru>

По-видимому, ключевая проблема здесь состоит в следующем.

По закону продавец в случае неоплаты переданного товара может либо потребовать его оплаты с процентами (товар при этом по общему правилу считается находящимся в залоге), либо возврата самого товара (ст. 488 ГК РФ). Разумеется, продавец не может потребовать того и другого сразу. Но вот вопрос: если он потребовал оплаты, но денег опять не получил, может ли он передумать и потребовать возврата товара?

В рассматриваемом казусе объект недвижимости должным образом перешел в собственность покупателя в соответствии с положениями договора, но покупатель его не оплатил.

Продавец потребовал оплаты и получил решение суда в свою пользу. Но вскоре после этого покупатель был признан банкротом. Это существенно осложнило положение продавца, ведь в ходе банкротства даже залоговому кредитору получить свои деньги не так-то просто.

Тогда продавец отказался от денег (что и было зафиксировано в реестре требований кредиторов) и потребовал возврата товара. Но имел ли он на это право?

Суды первых двух инстанций сочли, что такого права у продавца не было, и отказали в иске.

«Продавец не вправе требовать возврата товара в связи с его неоплатой, если он уже воспользовался правом потребовать его оплаты, в частности, когда имеется вступившее в законную силу решение суда о взыскании задолженности», — говорится в решении суда первой инстанции (судья С.А. Закутская).

Кассационный суд оставил акты нижестоящих судов в силе. Однако он предпочел иную мотивировку, основанную на теории, что действия продавца являются « злоупотреблением правом» и «обходом закона» (о банкротстве).

«Иск о возврате отчужденного по договору... нежилого помещения в связи с расторжением этого договора был предъявлен... только... после признания [покупателя] несостоятельным (банкротом) и фактически направлен на обход установленного Федеральным законом „О несостоятельности (банкротстве)“ порядка удовлетворения требований, в том числе и за счет находящегося в залоге имущества должника», — заключил АС МО.

Казалось бы, какая разница, если в требовании все равно отказано. Для истца, возможно, что и небольшая. Но в смысле интерпретации нормы закона для целей будущих споров она весьма существенна.

Ведь если покупатель злоупотреблял своим правом, значит, это право у него было! Иначе говоря, кассация, видимо, полагает (вопреки мнению первых двух инстанций), что если бы не банкротство покупателя, то продавец вполне мог бы отказаться от получения уже взысканной по суду денежной суммы и предъявить новое требование о возврате товара.

Стоит оговориться, что это правило не сформулировано в постановлении явно, а лишь является его логическим следствием. Не совсем также ясно, мыслится ли указанная формулировка как единственно верное основание отказа в иске или же всего лишь как альтернативное («кроме того, даже если у продавца было такое право...» и т.д.). Возможно, последующая практика прояснит позицию кассационного суда на этот счет.

В рассматриваемом же деле остается лишь посочувствовать несчастному продавцу, который и от денег уже отказался, и недвижимости назад не получил. Разрешит ли ему суд вновь вернуться к денежному требованию или же он так и останется ни с чем? А деньги от реализации его недвижимости достанутся другим кредиторам, а то и участникам ликвидируемого покупателя? Последний вариант стал бы довольно диковинным результатом применения принципа добросовестности.